

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 171: 328.185

**МЫШЛЕНИЕ АДВОКАТА КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС:
ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ**

Э.Р. Глежян, А.С. Макаров, С.В. Омельченко

**THE ATTORNEY'S THINKING AS A CREATIVE PROCESS:
PHILOSOPHICAL ASPECTS OF LEGAL PRACTICE**

E.R. Glechyan, A.S. Makarov, S.V. Omelchenko

Аннотация. Исследуются творческое мышление адвоката и выделяются философские аспекты различных форм проявления творческого мышления в защитительной деятельности адвоката. Авторы останавливаются на сложных философско-методологических правовых и нравственных проблемах, с которыми сталкивается адвокат в коммуникативных процессах, во взаимодействии с различными субъектами права. Делается вывод о том, что для подлинного профессионализма адвоката необходим высокий уровень критического мышления, сопряженного с автономностью нравственного и правового сознания. Правовых знаний недостаточно, надо уметь приметь их на деле, в быстро меняющихся обстоятельствах, соблюдая принципы и идеалы гуманизма и нормы адвокатской этики. Серьезные проблемы порождены гетерономными факторами, которые приводят к порче правового этоса. Перспективы улучшения положения в сфере правосудия связываются авторами с последовательным проведением в жизнь принципов независимости ветвей власти, усилением автономности субъектов права, повышением качества юридического образования и самообразования.

Abstract. The article examines the creative thinking of a lawyer and highlights the philosophical aspects of various forms of manifestation of creative thinking in the defensive activity of a lawyer. The authors dwell on the complex philosophical and methodological legal and moral problems faced by a lawyer in communication processes, in interaction with various subjects of law. It is concluded that for the true professionalism of a lawyer, a high level of critical thinking is required, coupled with the autonomy of moral and legal consciousness. Legal knowledge is not enough, one must be able to take it in practice, in rapidly changing circumstances, observing the principles and ideals of humanism and the norms of legal ethics. Serious problems arise from heteronomous factors that lead to the deterioration of the legal ethos. The authors associate the prospects for improving the situation in the sphere of justice with the consistent implementation of the principles of independence of the branches of government, strengthening the autonomy of subjects of law, improving the quality of legal education and self-education.

Ключевые слова: творческое мышление, правовое сознание, нравственное сознание, защита, адвокатура, автономия, гетерономия, правовая практика.

Keywords: creative thinking, legal consciousness, moral consciousness, defense, advocacy, autonomy, heteronomy, legal practice.

Актуальность исследования правового сознания и правового мышления несомненна. Если на уровне рядового гражданина, обладающего обыденным сознанием, речь должна идти о востребованности адекватного осознания своих прав и свобод, то на институциональном уровне субъектов права особую значимость приобретает культура мышления, способность творчески осмысливать сложные ситуации оказания профессиональной помощи юриста.

Тема творческого мышления адвоката разработана недостаточно. Запрос в Интернете выдает только 2–3 работы на тему юридического мышления или профессиональной этики. В частности можно сослаться на статьи М.Л. Давыдовой [1], Д.В. Зыкова [2], учебное пособие С.Ю. Нарциссовой [3]. Мы не принимаем при этом ненаучную рекламу и активную саморекламу людей в социальных сетях, которые обладают магическими секретами и способностью решать все проблемы (за гонорары). В этих работах отражены некие парадигмальные принципы юридического мышления, но нет отражения реального творческого мышления, порождаемого возникающими проблемами. Эти проблемы особенно сложны и серьезны в сфере защиты прав человека в уголовных процессах. В условиях пандемии проблема защиты прав человека еще больше обострилась [4]. В связи с этим мы поставим себе очень скромную задачу первичного рассмотрения (своего рода «пилотажное исследование») творческого мышления адвоката в философском аспекте.

На протяжении многих веков процесс защиты исследовался различными учеными, юристами, политиками. И это не случайно, поскольку, усовершенствование качества защиты всегда является актуальным из-за совершенствования средств обвинения. Однако нередко защитительная деятельность сталкивается с противостоянием органов, которые оппонируют защите как бы с позиции силы и закона. Рассмотрим эти аспекты более подробно, в том числе, выясним, что такое защита, и каково её предназначение в уголовном процессе в современных условиях.

Защита – это противостояние неравных сил, силы организованной и вооруженной, с одной стороны, и силы мышления, силы ненасилия, с другой стороны. Суд на основании закона должен уравнивать доводы обеих сторон, чтобы принять справедливое решение. Фактически же адвокат борется с целой системой государственного механизма уголовного принуждения и ввиду практики обвинительного уклона правосудия в России часто обречен на проигрыш. Поиск справедливости, поиск доказательств невиновности либо смягчения вины с помощью стратегий критического мышлений, логики и нравственного чувства сострадания к подсудимому – вот истинное предназначение правового защитника. В данном случае важна оговорка: мы имеем в виду добропорядочных адвокатов, профессионалов, принципиальных и бескомпромиссных.

Справедливость – это философское, нравственное и правовое понятие. В этике справедливость определяется как понятие морального сознания, характеризующее такое положение вещей, которое рассматривается как должное,

соответствующее определенному пониманию сущности человека и его прав [5, с. 338]. Однако правовое сознание и правовое мышление преодолевают излишнюю субъективность в понимании справедливости на основании устойчивых нормативных критериев закона. Исторически человечество медленно двигалось именно в этом направлении понимания справедливости.

Суть справедливости, основанная на праве, как и всякое явление этического и правового формата подвержено временному видоизменению. Следовательно, методы и поиски справедливости в защитительной деятельности также систематически трансформируются. К примеру, в Древнем Риме, в самый ранний период его развития отсутствовало представление о публично-правовой форме уголовного судопроизводства, и многие преступления преследовались в порядке частного обвинения, однако именно в этот период началось развитие состязательного процесса, и в ходе судебного развития стороны имели равные права [6, с. 39]. В период со II в. до н. э. по III н. э. в Древнем Риме формируется классическое римское право. В этот период развивается и возвышается роль адвокатуры, при всем притом судебные ораторы (защитники) пользовались огромным авторитетом. Должность судебного защитника зачастую становилось трамплином к достижению высоких государственных должностей. В эпоху развития постклассического права (V–VI вв. н. э.) заметно ограничилась состязательность в уголовном процессе. В этот период времени развиваются инквизиционные процессы. Адвокаты перешли под надзор особых государственных служащих. К адвокатам увеличилось недоверие со стороны администрации и суда.

Защита в уголовном процессе, как мы отметили, это противостояние мощному государственному аппарату, специализирующемуся на уголовном преследовании (органы предварительного следствия, прокуратура, сюда можно отнести, по крайней мере в России, и подверженный обвинительному уклону суд, который не может быть идеальным, «божьем судом»). По сути своей деятельности, если брать во внимание лишь только одно уголовное дело, один адвокат сталкивается с противостоянием, как минимум шести и более субъектов: оперативный работник, следователь, потерпевший, прокурор, свидетели, суд, то есть все те, кто так или иначе обосновывают и поддерживают обвинение. В формате добросовестности исполнения своих обязательств – это самый сложный мыслительный труд для адвоката, основанный на знании о праве, логике, умении предсказывать процессуальные маневры оппонировавшей стороны и быть готовым к ним, это выработка тактики защиты и многое другое.

Защитительное мышление есть не что иное, как стремление адвоката к гармонии своего внутреннего духовного мира, автономного нравственного и правового сознания, с внешним миром права (в нашем случае уголовным и уголовно-процессуальным). Соблюдение формальной логики, правильности мышления выступает первой предпосылкой, благодаря которой формируется автономия правового сознания защитника, правильное мышление определяет

правильное отношение собственного «Я» к дальнейшим защитительным функциям, предостерегает от грубых ошибок и субъективизма.

Второй предпосылкой выступает собственно критическое (творческое мышление). Синонимами критического мышления выступают термины «самостоятельное мышление», «автономное мышление», «творческое мышление», «диалектическое мышление», «разумное мышление», «теоретическое мышление», «культурное мышление» и даже просто «мышление» (мышление подлинное, аутентичное, открытое истине бытия мира и бытия человека). На первый взгляд, кажется, что мыслить самостоятельно просто, но на самом деле, в своей практике адвокат (добросовестный и принципиальный) сталкивается с информационным потоком гетерономных сведений. Все потому, что защитник, как и любой человек, а если быть точнее, его внутренний духовный мир подвержен всяким причинам, мешающим смотреть на справедливость ясным взором. В ряд гетерономии могут быть причислены конкуренция на рынке адвокатуры, отсутствие сострадания к подзащитному, соблазн наживы, лень, желание быть угодным следствию и суду, оставаться при работе «по назначению», зависть, лицемерие и фальшь, отсутствие желания в усовершенствовании профессиональных навыков и многое другое. А.Ф. Кони очень тонко подметил суть этических устоев защитника: «...защита есть общественное служение... Уголовный защитник должен быть *virbonus, dicendiperitus* (муж добрый, опытный в речи), вооруженный знанием и глубокой честностью, умеренный в приемах, бескорыстный в материальном отношении независимый в убеждениях, стойкий в своей солидарности с товарищами... Он друг, он советник человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен вовсе или вовсе не так и не в том виновен, как и в чем его обвиняют...» [7, с. 30].

Одна из важнейших задач защитника, опять же, в этическом контексте, — это укрепление собственной веры в созидание, в прекрасное, в добро и справедливость. Адвокат должен твердо верить в эти идеалы, и следовать им в каждом своем деле. Нет веры в успех — не будет положительного результата. Вера должна сопровождаться кропотливым трудом, правильностью и критичностью мышления.

Позволим себе творческую гипотезу. В начале XX века в российском журнале «Ментализм» появилась статья американского адвоката Уильяма Уокера Аткинсона (1862–1932), которая привлекла наше внимание. Среди прочего, Аткинсон обращает внимание читателя на то, что все люди подвергаются влиянию мыслей окружающих людей (не мнений, а именно мыслей). Подчеркивается, что мысли людей проявляют необыкновенную силу действия. В этом контексте, Аткинсон акцентирует внимание на то, что если человек сможет распознать условия возникновения этой силы, то он сможет овладеть ею и принять ее, как орудие нашего воздействия в желаемом направлении [8, с. 60]. Если не брать во внимание возможный мистический оттенок мыслей Аткинсона, то остается чистый рациональный осадок. В защитительной деятельности адвокат сталкивается с мыслями ряда оппонированных ему

субъектов в различных форматах и контекстах: культурных, антропологических и социальных дискурсов, которые, в той или иной степени оказывают свое влияние (вплоть до давления) на защитника. Очень важно, в профессиональном плане, усвоить и понять стержень оппонирующего мышления, т. е. прояснить суть обвинения и дать оценку качества сбора доказательств. Методы обвинения по сбору доказательств, зачастую шаблонные, нетворческие, стереотипные, содержат в себе противоречия. Отчасти это происходит из-за непрофессионализма, отчасти из-за излишней самоуверенности обвинения и недооценки ею возможностей защиты.

Следователь фактически не является достаточно самостоятельным процессуальным лицом, не обладает автономным правовым мышлением в рамках своего профиля. Например, у следователя одна позиция по делу, руководитель следствия навязывает свое мнение, прокурор свое мнение и т. п. Поскольку в России, следователь лишь только «на бумаге» самостоятельное процессуальное лицо, но фактически таковым не является, то он осуществит попытки связать и согласовать мнение различных людей со своей позицией по делу, даже если они противоречивые. Результатом является эклектическое правовое мышление.

Позволим себе аналогии из мира кинематографа. В художественных фильмах мы восхищаемся творческим мышлением детективов (людей), их способностью принимать самые фантастические версии, которые потом себя полностью оправдывают. А следователей часто показывают просто глупыми людьми, которые не могут связать между собой две мысли. А ведь следователь и детектив – это одно и то же лицо. Получается такое «двоемыслие». Одно лицо обладает творческим мышлением. А другое имеет конформное мышление, рассуждает по принципу: «Не надо думать, надо делать то, что приказано». На самом деле это трудно вообразимое явление, хотя, современная уголовно-правовая политика обвинения придерживается данного явления в ортодоксальном формате, превращая уголовное дело в кашу несурязицы, заведомо зная, что суд сам устранил недочеты. В основе этой ортодоксии лежат: отсутствие процессуальной самостоятельности следователя и независимости всех ветвей власти; несовершенство норм права, позволяющие попираť не только права людей, но и сам закон, ограничение права на защиту, и практическая институализация запрета оправдательных приговоров. Многие критики адвокатуры (т. е. все те, кто имеют отношение к обвинительной и судебной деятельности) полагают, что низкий процент оправдательных приговоров – это совершенство органов предварительного следствия, но при этом об отсутствии независимости ветвей власти никто из обвинителей не говорит. Вряд ли такая теория кого-нибудь из числа здравомыслящих людей убедит. Подобная философия, фактически, унижает роль адвокатуры, в том смысле, что, якобы, в российском адвокатском сообществе нет специалистов, которые могли бы законным способом противостоять обвинению и удовлетворить правовые потребности подзащитного. Опровергается

обвинение адвокатуры в непрофессионализме помимо доводов здравого смысла и позицией Верховного суда РФ. Например, заместитель председателя Верховного суда РФ Владимир Давыдов на совещании председателей судов заявил, что «судьи сами в справках критикуют качество следствия и дознания, которые «допускают значительное число нарушений закона, которые не только снижают качество расследования дел, но и существенно влияют на сроки расследования, а в дальнейшем на результаты рассмотрения дел и материалов в судах». Давыдов привел статистику, согласно которой суды ежегодно возвращают в прокуратуру около 10 тыс. дел для устранения недостатков, что препятствует рассмотрению дел по существу» [9].

Даже при наличии всех погрешностей, которые отмечаются руководством Верховного суда, почему-то не возрастает число оправдательных приговоров. Одной из причин является невысокий материальный уровень жизни людей, на которых заведено уголовное дело. Большое количество обвинительных приговоров правоохранительная и судебная элита связывает с тем, что много уголовных дел (до 70 %) судами рассматривается в особом порядке, а этот порядок не предусматривает вынесения оправдательных приговоров. Отметим, что особый порядок судопроизводства подразумевает фактическое признание вины, отсутствие желания, а главное – возможности для борьбы, даже в тех случаях, если человек вовсе невиновен. Вместе с тем стоит задуматься, почему обвиняемый желает воспользоваться особым порядком? Этому есть одно единственное разумное объяснение: отсутствие финансовой возможности привлечь для защиты адвоката по собственному усмотрению. Этот показатель благоприятен для следственных органов, поскольку на помощь правохранителям (даже не обвиняемому) приходят адвокаты по назначению, или как их в обществе называют «бесплатные адвокаты», которые, во-первых, в подавляющем своем большинстве тесно сотрудничают с органами предварительного следствия, дабы оставаться при деле, а во-вторых, за «копейки», которые платит государство за участие в следственных действиях, выполняя поручение по назначению, адвокаты, опять же, в подавляющем своем большинстве, ничего не предпримут (не смогут или не захотят) для защиты своего подзащитного. Однако если представить, что экономический уровень жизни, финансовый потенциал у населения будет на более высоком уровне, и люди смогут для защиты своих интересов нанимать высококвалифицированных, принципиальных и энергичных адвокатов, то, разумеется, доля дел в особом порядке резко сократится, следственные и надзорные органы столкнутся с волной противостояния, что неизбежно приведет к росту оправдательных приговоров. При обвинительном уклоне это невозможно, а значит, и повысится качество расследования уголовных дел, и возвысится доверие населения к судебной системе.

В то же время укоренившаяся негативная тенденция на практике формирует у адвоката мужество, заставляет самосовершенствоваться и любить свою профессию, противостоять опасному процессу профессионального

и эмоционального «выгорания». Не побоимся высоких слов и скажем, что такой адвокат – это своего рода герой, противостоящий судьбе. В цивилизованном демократическом обществе, где существует справедливая правовая система и справедливый суд, адвокату не обязательно быть настолько мужественным, ему достаточно иметь знание и навыки защиты, а закон и правосудие компенсируют все остальное, оставив на правовом поле брани только правовое состязание.

«Как можно познать себя? Только путем действия, но никогда – путем созерцания. Попробуй выполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть» (Гете «Фауст») [10]. Вот и защитник, настоящий профессионал, искренний душой, любящий свою профессию, должен действовать, преодолевать все преграды, выполнять свой профессиональный долг, совершенствовать себя. Любое разочарование может подорвать веру, прежде всего, в себя, и лишь только потом в справедливость. Такой адвокат становится рабом судьбы, он перестает мыслить, а делает то, что ему скажут. Безусловно, есть и такие адвокаты, которых номинально называют «господами». Интересна, хотя во многом и спорна, мысль Ф. Ницше о морали рабов и морали господ [11]. Для рабской морали характерно смирение как самоунижение и позор, в то время как ценностью морали господина является гордость, сила и благородство. Господин дает оценку действиям раба, оценивает, насколько хорошими или неудовлетворительными были последствия для того, кто их совершил. Оба вида морали не принимают во внимание человеческие эмоции. Применимо к нашему исследованию, данная концепция подчеркивает, что в адвокатской корпорации есть представители с моралью раба, а господином для них является тот субъект (следователь, суд), который привлекает этого адвоката. Они оценивают работу этого адвоката и по результатам решают его дальнейшую профессиональную судьбу: если адвокат по назначению не будет противиться правовому произволу, то этот адвокат, по сути, обеспечен работой, в объеме конвейерного судопроизводства, то есть, говоря обыденным языком, будет завален работой. Эта работа оплачивается государством в мизерных расценках, но когда есть объем, сумма становится впечатляющей. Но, а если адвокат, которого привлек следователь, проявил свой профессионализм и воспротивился незаконным явлениям, то, разумеется, он не будет в дальнейшем привлечен органами следствия, дознания и судом. И в этом случае, проявление профессионализма и принципиальности выводит адвоката в ранг нравственных господ: к нему начинают прислушиваться и считаться. А покладистость и послушание автоматически поставило бы на нем клеймо раба, целиком и полностью зависимого от следственно-судейского «работодателя».

Необходимо отметить проблемные моменты взаимоотношений защитника и доверителя. Она заключается в том, что современная российская правоохранительная система вышла на новый уровень ограничения права на защиту. Уголовное право превратилось в некое коммерческое явление, строгость

и гуманность которого зависит от материального достатка «клиента». Все это подрывает дух свободы народа, волю к сопротивлению произволу, усугубляет чувство безнадежности перед следствием и судом. Нередко сами адвокаты способствуют этому, поскольку, будучи привлеченными органами следствия и суда, фактически никакую защиту не осуществляют.

А ведь обвиняемый доверяет свою жизнь, свободу и здоровье адвокату. «Адвокат должен не допускать действий (бездействия), которые подрывают такое доверие» [12, ст. 1]. Кодекс профессиональной этики адвоката прямо указывает, что злоупотребление доверием является несовместимым со званием адвоката. Данная норма положена в основу адвокатской этики, ею адвокат должен руководствоваться, чтобы поддержать, во-первых, авторитет адвокатуры, и, во-вторых, отношения с доверителем, который доверяет слишком многое, рискуя не только своей судьбой, но судьбой своей семьи. Нужно осознавать, что доверие во многом психологическое явление, отношение как бы «трансфера», напоминающего отношение врача и пациента. Много адвокатов обещают доверителю благоприятный исход дела, тем самым обнадеживая доверителя. Эти обещания, по сути, обретают далеко не нравственный формат, и даже становятся аморальным поступком. Адвокат может допустить (позволить себе) гарантию высокого качества своей работы, но не благоприятный результат, тем более, учитывая современные реалии отечественного «правосудия». Взаимообмен информацией, непрерывный диалог между адвокатом и доверителем важен по ряду причин: во-первых, доверитель дополняет и уточняет суть проблемы, во-вторых, адвокат корректирует перспективы, ожидающие доверителя. Доверительные отношения адвоката и доверителя основаны на духовно-нравственном сближении, на взаимных обязательствах, профессионализме, человеческом сострадании. Если исключить только один из данных компонентов, то нить доверия не выдержит, пострадает как сам адвокат, запятнав свою репутацию так и доверитель, поручение которого оказалось невыполненным.

Адвокат в профессиональной деятельности должен учитывать уровень нравственности противоположной стороны состязательного процесса, для того, чтобы определить возможные перспективы правового диалога в контексте конкретного дела, для построения тактики защиты. Нравственность – это элемент, формирующий автономию правосознания, а если быть точнее, от уровня нравственности зависит уровень автономности. Противостоит автономии такое явление как гетерономия. Адвокаты сталкиваются с большим числом явлений, способных сломить волю личности. Воля же, в свою очередь, двигатель всякой автономии, добрая воля и нравственность – это одно и то же. В качестве примера мы укажем на бюрократизацию и корпоративность в борьбе с защитой целой системы государственных аппаратов, что, по сути, напоминает борьбу Давида с Голиафом, при которой, Давид победил Голиафа своей сообразительностью, тактичностью и умом. Защитник должен быть готовым к тому, что сплошная обвинительная политика в силу

своей гетерономной тенденциозности сформировала своего рода новый вид нарциссизма, что проявляется у представителей обвинения в виде самолюбленности. При поддержке различных инстанций и органов власти представители обвинения в геометрической прогрессии завышают свою самооценку, что неизбежно приводит к отказу от самокритики. Представление от собственной грандиозности ослепляет их, и в этом состоянии неизбежны ошибки. Мы должны понимать, что любая обвинительная деятельность – это продукт человеческой активности, который материализует обвинение в уголовное дело. Деградация профессиональной самокритичности, вызванной на фоне нарциссизма, по нашему мнению, один из величайших социальных и антропологических видов социальной патологии, тормозящий всякое развитие, как в творческом понимании, так в этике и в эстетике. Такие «профессионалы» утрачивают всякую способность к познанию всякого систематически обновляющегося явления (например, закона), которое необходимо для профессионального творчества. Однако такие нарциссы в профессиональном плане очень любопытны для познания, за ними интересно наблюдать, анализировать и предсказывать их неизбежные погрешности. Ф.Н. Поносов отмечает, что «успех практической деятельности человека во многом определяется тем, насколько верно он познал законы развития природы и общества, насколько соответствуют его представления о мире самому миру. Познание – это бесконечный процесс приближения мышления к познаваемому предмету, движения мысли от незнания к знанию, от знания неполного, несовершенного к знанию более полному, более совершенному» [13]. Если защитник сможет в процессе наблюдения познать суть характера оппонента, его профессиональные навыки, способности, то он сможет предвидеть дальнейшие действия (бездействия) обвинителя. На самом деле это непросто, но очень важно в защитительной деятельности.

Всякая профессиональная защитительная деятельность должна быть основана на четко выстроенной тактике. Обладать лишь только юридическими знаниями недостаточно. Защитник должен иметь философские знания, которые могли бы позволить ему анализировать и решать коренные вопросы, связанные с поставленной задачей по защите доверителя, выработать целостный взгляд на мир предъявленного обвинения, его сути, определить место своего подзащитного в этом мире, и попытаться вывести его оттуда в мир свободы. Это и означает творческое, культурное мышление. Культура, в том числе и правовая, позволит защитнику самовыразиться в творческой деятельности, выработать навыки и умения защиты, проявить субъективность и объективность. Немаловажную роль в тактической деятельности защитника играет терпение. В контексте философии терпение – это добродетель и она означает, в том числе, сдержанное ожидание благоприятных результатов чего-либо. В защитительной практике защитник, как и обвинитель, использует доказательства. Однако применение доказательств не должно быть непродуманным. Оно должно применяться четко в определенное

время при наступлении благоприятного момента. Иногда некоторые защитники, проявляя нетерпение, раньше времени используют свои «козыри» – доказательства, тем самым, дают возможность оппонентам обернуть это доказательство против защиты.

И в завершении подчеркнем то, чем должен обладать защитник в первую очередь: автономностью правового и нравственного сознания. Творческое мышление тесно связано с нравственностью. Великий философ Паскаль высказал всем известное, но уместное в данном контексте изречение: давайте мыслить хорошо, в этом источник нравственности. Все перечисленные выше аспекты в формате автономности правового сознания дополняют друг друга. Если мы говорим о защитнике в контексте автономности правового сознания, то мы, прежде всего, имеем в виду: 1) его знание о праве и его субъективное отношение к праву; 2) осознания своей свободы и своего духа; 3) гармонизацию свободного духа в правоприменительном (защитительном) творчестве; 4) обладание высшей степени правовой культуры и культурного мышления. Нравственность – это важнейшая этическая категория, которая присуща не только субъектам обыденного правового сознания, но эта категория является первоосновой профессиональной деятельности адвокатов. В то же время мы должны понимать, что без автономного правового сознания не может благоприятно гармонизировать нравственность и профессионализм. Автономность правового сознания адвокатов, должна, по сути, раскрывать специфику отражения права в сознании адвоката в обязательной взаимосвязи с человеческой субъективностью, основываться на принципе единства социального, культурного и личностного начала в исследовании правовых, политических и иных общественных явлений. При таких обстоятельствах автономность правового сознания адвокатов будет определяться как здоровое соотношение внутренних (духовных, мыслительных) и внешних (правовая, нормативная реальности) факторов в сознании. Это и есть суть онтологического диалогизма в праве. Важно акцентировать внимание на проблеме развития диалогических форм правового сознания, поскольку диалог, как важнейшая составляющая правовой культуры и критического правового мышления, направлен на взаимное обогащение людей ценностями, смыслами, опытом, взаимопониманием, профессионализмом. Самое важное для адвокатской корпорации инициировать развитие диалогического права, вовлекая в этот процесс иные социальные субъекты правового сознания. Современная российская правовая система основана преимущественно на монологизме и защитнику (адвокату), по этой причине, в своей профессиональной деятельности приходится сталкиваться с большими проблемами. И до тех пор, пока адвокатская корпорация достойно не заявит о себе и не займет свое достойное место в мире права, по аналогии корпоративной солидарности следствия – прокуратуры, прокуратуры – суда, эти проблемы останутся нерешенными.

Таким образом, для профессионализма адвоката требуется высокий уровень критического (творческого) мышления. Это мышление неразрывно связано с автономностью нравственного и правового сознания субъектов права. Все еще страдает качество юридического образования. Однако правовых знаний недостаточно, надо уметь применить их на деле, в постоянно меняющихся обстоятельствах. Серьезные проблемы в сфере права вызваны гетерономными факторами, которые приводят к порче правового этоса. Перспективы улучшения положения в сфере правосудия, на наш взгляд, связаны с последовательным проведением в жизнь принципов независимости ветвей власти, усилением автономности субъектов права, повышением качества юридического образования и самообразования, развитием культуры мышления, повышением творческого потенциала личности в области права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова, М. Л. Профессиональное мышление юристов в сравнительно-правовом ракурсе / М. Л. Давыдова. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 5. – С. 66–72.
2. Зыков, Д. В. О трех видах юридического мышления / Д. В. Зыков. – Текст : непосредственный // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 2. – С. 82–85.
3. Нарциссова, С. Ю. Профессиональная этика юриста / С. Ю. Нарциссова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия МНЭПУ, 2018. – 151 с. – Текст : непосредственный.
4. Бандурин, А. П. Проблемы защиты конституционных прав и свобод граждан России в период пандемии / А. П. Бандурин, П. С. Самыгин, Н. М. Сизова – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 75–79.
5. Словарь по этике / А. В. Адо, М. И. Андриевская, Л. М. Архангельский [и др.] ; под ред. И. С. Кона. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1983. – 445 с. – Текст : непосредственный.
6. Косарев, А. И. Римское право / А. И. Косарев. – М. : Юрид. лит., 1986. – 157 с. – Текст : непосредственный.
7. Кони, А. Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи / А. Ф. Кони. – М. : Эксмо, 2013. – 637 с. – Текст : непосредственный.
8. Аткинсон, У. У. Могущество мысли в повседневной деловой жизни / У. У. Аткинсон. – Текст : непосредственный // Ментализмъ. – 1907. – № 3. – С. 60.
9. Верховный суд предпочитает оправдательные приговоры. – URL: <https://pasm.ru/archive/228499/>. – Текст : электронный.
10. Гёте, И. В. Фауст / И. В. Гёте. – М. : Мир книги : Литература, 2010. – 478 с. – Текст : непосредственный.
11. Nietzsche, Friedrich. On The Genealogy of Morals. New York : Vintage Books, 1967. 167 p.
12. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 20.04.2017). – Текст : непосредственный.
13. Поносов, Ф. Н. Гносеологический ряд как форма взаимосвязи истины и заблуждения в индивидуальном и коллективном познании : дис. ... д-ра филос. наук / Поносов Федор Николаевич. – Екатеринбург, 2010. – 315 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Davydova M.L. Professional'noye myshleniye yuristov v sravnitel'no-pravovom rakurse. Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina = Bulletin of the O.E. Kutafin University, 2015, No. 5, pp. 66–72. (In Russian).
2. Zykov D.V. O trekh vidakh yuridicheskogo myshleniya. Vestnik VolGU. Seriya 5: Yurisprudentsiya = Bulletin of VolSU. Series 5: Jurisprudence, 2013, No. 2, pp. 82–85. (In Russian).
3. Nartsissova S.Yu. Professional'naya etika yurista [Professional Ethics of a Lawyer]. M., the Academy of Akademiya IPEPU, 2018. 151 p.
4. Bandurin A.P., Samygin P.S., Sizova N.M. The problems of protection of constitutional rights and freedoms of Russian citizens during a pandemic. Gumanitarnyye, Sotsial'no-ekonomicheskkiye I Obshchestvennyye Nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences, 2020, No. 6, pp. 75–79. (In Russian).
5. Slovar' po etike [Dictionary of Ethics]. Ed. by I.S. Kon. M., Politizdat, 1983. 445 p.
6. Kosarev A.I. Rimskoye parvo [Roman law]. M., Yurid. Lit., 1986. 157 p.
7. Koni A.F. Zakon i spravedlivost'. Stat'i i rechi [Law and Justice. Articles and speeches]. M., Eksmo, 2013. 637 p.
8. Atkinson U.U. The power of thought in everyday business life. Mentalizm = Mentalism, 1907, No. 3, pp. 60. (In Russian).
9. Verkhovnyy sud predpochitayet opravdatel'nyye prigovory [The Supreme Court prefers acquittals]. Available at: <https://pasm.ru/archive/228499/>.
10. Goethe I.V. Faust [Faust]. M., Mir knigi: Literatura, 2010. 478 p.
11. Nietzsche, F. On The Genealogy of Morals. New York, Vintage Books, 1967.
12. Kodeks professional'noy etiki advokata [The Code of Professional Ethics of a Lawyer]. Edition of 20.04.2017.
13. Ponosov F.N. Gnoseologicheskiy ryad kak forma vzaimosvyazi istiny i zabluzhdeniya v individual'nom i kollektivnom poznanii. [Gnoseological series as a form of interrelation of truth and delusion in individual and collective knowledge]. dis. ... doct. philos. sciences. Yekaterinburg, 2010. 315 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Глечян, Э. Р. Мышление адвоката как творческий процесс: философские аспекты юридической практики / Э. Р. Глечян, А. С. Макаров, С. В. Омельченко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4. – С. 91–102.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Glechyay E. R., Makarov A. S., Omelchenko S. V. The Attorney's Thinking as a Creative Process: Philosophical Aspects of Legal Practice / E. R. Glechyay, A. S. Makarov, S.V. Omelchenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 4, pp. 91–102. (In Russian).